

ГЮЛЯШЪ-ХАНЫМЪ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Туды-Мангу-ханъ былъ похожъ на быка съ вывороченнымъ брюхомъ; къ тому же онъ былъ хромъ и кривилъ на одинъ глазъ.

И всѣ дѣти вышли въ отца; одна Гюляшъ-Ханымъ росла красавицей. Но Туды-Мангу-ханъ говорилъ, что она одна похожа на него.

Самые умные люди часто заблуждаются.

Въ Солгатскомъ дворцѣ хана жило триста женъ, но мать Гюляшъ-Ханымъ занимала цѣлую половину, потому что Туды-Мангу-ханъ любилъ и боялся ее.

Когда она была зла—запиралась у себя, тогда боялся ее ханъ и ждалъ, когда позоветъ.

Зналъ, каковъ бываетъ нравъ у женщины, когда войдешь къ ней не во-время.

А въ народѣ говорили, будто ханша запирается неспроста. Обернувшись птицей, улетаетъ изъ Солгатскаго дворца въ Арпатскій лѣсъ, гдѣ кочуетъ цыганскій таборъ Ибрагима.

Попытался было сказать объ этомъ Туды-Мангу-хану главный евнухъ, но побѣлѣло отъ гнѣва ханское око и длинный чубукъ раскололся о макушку старика.

Помнилъ хорошо ханъ, что вмѣстѣ съ Гюляшъ-Ханымъ пришла къ нему удача,—такъ наворожила ее мать. И любилъ ханъ цыганку-жену, потому что первымъ красавцемъ называла его, когда хотѣла угодить.

Улыбался тогда Туды-Мангу-ханъ, и лицо его казалось чубурекомъ, который сочнѣлъ въ курдючномъ салѣ.

И всегда, когда ханъ шелъ на Оръ, онъ бралъ съ собой Гюляшъ-Ханымъ на счастье, чтобы досталось побольше добычи и была она поцѣннѣе.

Одинъ разъ добылъ столько, что понадобилось сто арбъ.

Была удача большая, потому что Гюляшъ-Ханымъ не оставляла хана, даже когда онъ скакалъ на конѣ.

Но арбы шли медленно, а хану хотѣлось поскорѣй домой. Позвалъ онъ Черкесь-бея и поручилъ ему казну и Гюляшъ-Ханымъ, а самъ ускакалъ съ отрядомъ въ Солгать.

Веселье было ханъ, довольны были жены. Скоро привезутъ дары.

Только не всегда случается такъ, какъ думаешь.

Красивъ былъ Черкесь-бей, строень какъ тополь, смѣлъ какъ барсъ, въ глазахъ купалась сама сладость. А для Гюляшъ-Ханымъ настало время слышать, какъ бьется сердце, когда близко красавецъ.

Взглянула Гюляшъ-Ханымъ на Черкесь-бея и рѣшила остаться съ нимъ,—обратилась въ червонецъ. Покатился червонецъ къ ногамъ бея, поднялъ онъ его, но не положилъ его къ себѣ,—былъ честень Черкесь-бей,—и заперъ червонецъ въ ханскую казну.

Честнымъ поступкомъ не всѣмъ угодишь.

А ночью напалъ на Черкесь-бея балаклавскій князь, отнял арбы, захватилъ казну.

Еле успѣлъ спастись Черкесь-бей съ немногими всадниками.

И повезли Гюляшъ-Ханымъ съ червонцами въ Балаклаву.

Въ верхней башнѣ замка жилъ греческій князь.

Къ нему и принесли казну.

Открылъ князь казну и началъ хохотать. Въмѣсто червонцевъ—въ казнѣ звенѣлъ рой золотыхъ пчель.

— Нашель, что возить въ казнѣ глупый Туды-Мангу-ханъ!

Вылетѣлъ рой, поднялся къ верхнему окну; но одна пчела закружилась около князя и ужалила его прямо въ губы.

Поцѣлуй красавицы не всегда проходитъ даромъ.

Отмахнулся князь и задѣлъ крыло пчелы. Упала пчела на полъ, а кругомъ ея посыпались червонцами всѣ остальные.

Поднялъ отъ удивленія высокую бровь балаклавскій князь и ахнулъ: вмѣсто пчелы у ногъ его сидѣла, улыбаясь, ханская дочь; заглядѣлась на него.

Былъ красивъ Черкесь-бей, а этотъ еще лучше. Свѣтилось на лицѣ его благородство и въ глазахъ горѣла страсть.

Околдовало его волшебство женской красоты и оттолкнулъ юноша ногой груды золота.

Когда молодъ человѣкъ, глаза лучше смотрятъ, чѣмъ думаетъ голова.

Схватилъ ханшу на руки и унесъ къ себѣ.

Три дня напрасно стучали къ нему старѣйшины, напрасно предупреждали, что выступило изъ Солгата ханское войско.

Напитокъ любви самый пьяный изъ всѣхъ; дурѣеть отъ него человѣкъ.

А на четвертый день улетѣла Гюляшъ-Ханымъ изъ башни. Обернулась птицей и улетѣла къ своимъ, узнала, что приближается къ Балаклавѣ Черкесь-бей.

Скакалъ на бѣломъ конѣ Черкесь-бей впереди своихъ всадниковъ и, услышавъ въ сторонѣ женскій стонъ, сдержалъ коня.

Въ кустахъ лежала Гюляшъ-Ханымъ, плакала и жаловалась, что обидѣлъ ее балаклавскій князь, надругался надъ ней и бросилъ на дорогѣ.

— Никто не возьметъ теперъ замужъ.

— Я возьму,—воскликнула Черкесь-бей,—а за твою печаль заплатитъ головой балаклавскій князь.

И думала Гюляшъ-Ханымъ по дорогѣ въ Солгаты—кто лучше, одинъ или другой, и хорошо бы взять въ мужья обоихъ, и князя бея и еще цыгана Ибрагима, о которомъ хорошо рассказываетъ мать.

Когда имѣешь много, хочется еще больше.

А балаклавскій князь искалъ повсюду Гюляшъ-Ханымъ и, когда не нашель у себя, пошель, одѣвшись цыганкой, искать въ ханской землѣ.

Черезъ горы и долины шель до Солгата.

На много верстъ тянулся городъ, но не было никого на улицахъ. Весь народъ пошель на площадь къ ханскому дворцу, потому что Туды-Мангу-ханъ выдавалъ младшую дочь замужъ и угощалъ всѣхъ, кто приходилъ.

Радовался народъ. Сто чалгиджи и сто одно думбало услаждали слухъ, по горамъ горѣли костры; ханскіе слуги выкатывали на площадь бочки съ бузой и бетмесомъ; цѣлое стадо барановъ жарилось на вертелѣ.

Славилъ солгатскій народъ Туды-Мангу-хана и его зятя Черкесь-бея.

Завтра утромъ повезутъ Гюляшъ-Ханымъ мимо мечети султана Бибарса; будетъ большой праздникъ.

Думала объ этомъ Гюляшъ-Ханымъ, и что-то взгрустнулось ей. Подошла къ рѣшетчатому окошку въ глухой переулочекъ и вспомнила балаклавскаго князя.

— Хоть бы пришелъ.

И услышала съ улицы, снизу, старушечій голосъ.

— Хочешь погадаю; вели впустить.

Велѣла Гюляшъ-Ханымъ впустить ворожею и заперлась съ нею вдвоемъ.

— Гадай мнѣ счастье.

Посмотрѣла Гюляшъ-Ханымъ на цыганку. Горѣли глаза безумнымъ огнемъ, шептали уста дикія слова. Отшатнулась ханша. Упали женскія одежды и къ ней бросился балаклавскій князь.

Бываетъ луна бѣлая, бываетъ желтая.

Посмотрѣли люди на небо, увидѣли сразу три луны: одну бѣлую и двѣ въ крови. Подумали—убили двухъ, третій остался.

Вскрикнула Гюляшъ-Ханымъ. Вбѣжалъ Черкесь-бей. Въ долгомъ поцѣлуѣ слились уста. Мелькнуло лезвіе ятагана, и покатились двѣ головы любившихъ.

Оттолкнулъ Черкесь-бей тѣло Гюляшъ-Ханымъ и женился въ ту же ночь на старшей дочери хана.

Потому что не долженъ мужикъ жалѣть бабу.

Теперь отъ Солгатскаго дворца остались однѣ развалины. Совсѣмъ забылось имя Гюляшъ-Ханымъ. Но въ осеннюю пору, когда у мѣстныхъ татаръ играютъ свадьбы, въ лунную ночь видятъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ хана, встрѣчаются двѣ тѣни. И спрашиваетъ одна:

— Зачѣмъ ты погубилъ меня?

И отвѣчаетъ другая:

— Я любилъ тебя.

